

Научная статья
УДК 159.923
doi: 10.17223/2312461X/37/8

ЭКСТРАВЕРСИЯ И ДОМИНИРОВАНИЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В ТРЕХ КУЛЬТУРАХ РОССИИ: ТУВИНЦЫ, КОМИ, РУССКИЕ

Анна Александровна Мезенцева¹
Марина Львовна Бутовская^{2, 3}
Виктория Викторовна Ростовцева⁴
Кристина Игоревна Ананьева⁵
Александр Александрович Демидов⁶

^{1, 2, 4} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

³ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

⁵ *Институт психологии РАН, Москва, Россия*

⁶ *Московский институт психоанализа, Москва, Россия*

¹ *a.mezentseva@iea.ras.ru*

^{2, 3} *marina.butovskaya@gmail.com*

⁴ *victoria.v.rostovtseva@gmail.com*

⁵ *ananyevaki@jpran.ru*

⁶ *demidov@inpsycho.ru*

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию феноменов доминирования и экстраверсии в трех контрастных культурах: у русских, коми и тувинцев. Основной целью исследования было выявить особенности проявления экстраверсии и социального доминирования в социокультурных контактах исследуемых культур. Общую выборку составили 342 человека в возрасте от 18 до 45 лет, проживающие на территории России: русские (70 мужчин и 64 женщины, $19 \pm 1,3$ года), коми-зыряне (85 женщин и 54 мужчины, $33 \pm 7,1$ год) и тувинцы (32 мужчины и 47 женщин, $27 \pm 4,5$ года). Все участники исследования заполняли бланк, где им было предложено оценить, насколько точно каждое из предъявляемых качеств личности характеризует его самого. При необходимости заполнение бланков сопровождалось переводом на родной язык респондента. Далее нами была проведена факторизация полученного эмпирического материала, позволившая выделить два фактора – два обобщенных качества личности: экстраверсия-интроверсия и доминирование. Помимо оценочных психологических характеристик, для каждого участника исследования были собраны сведения о его антропометрических характеристиках: возраст, индекс массы тела и показатели физической силы. Результаты исследования выявили следующее. Уровень экстраверсии не различается во всех трех культурах и не зависит от этнической принадлежности человека. Однако в каждой из культур именно мужчины были более экстравертированными, а не женщины. Уровень экстраверсии значимо определяется индивидуальными биологическими параметрами участников: их возрастом и физическим развитием (сила кисти). Во всех трёх культурах

лящих юные мужчины были активнее и более экстравертированными, чем взрослые, также во всех трех популяциях сильные индивиды были экстравертами, а слабые – интровертами, вне зависимости от пола. Наши результаты опровергают устоявшееся представление о том, что мужчины более ориентированы на социальное доминирование, нежели женщины. В каждой из культур мужчины и женщины не отличались по уровню доминирования. Более того, все три популяции значимо не различались по уровню доминирования между собой. Детальный анализ индивидуальных качеств, определяющих уровень доминирования показал, что отличия в уровне доминирования объяснялись полом и массой тела участников исследования. Однако предполагая сложную природу формирования доминантного поведения и возможный вклад культурной специфики в его проявления, мы рассмотрели каждую популяцию отдельно. Выяснилось, что уровень доминантности зависит от половозрастных характеристик у тувинцев и у коми. Так, у коми доминантность в поведении демонстрируют молодые женщины, а представительницы среднего возраста, наоборот, ведут себя конформно. В выборке тувинцев мужчины среднего возраста ведут себя доминантно, в то время как юноши демонстрируют поведение подчинения.

Ключевые слова: экстраверсия, доминирование, физическая сила, тувинцы, коми, русские

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-313-70005 (Мезенцева А.А., Ананьева К.И., Демидов А.А.), и при поддержке ЦФИ НИУ ВШЭ, проект № 121051200258_5 (Бутовская М.Л.).

Для цитирования: Мезенцева А.А., Бутовская М.Л., Ростовцева В.В., Ананьева К.И., Демидов А.А. Экстраверсия и доминирование: реализация индивидуальных качеств в трех культурах России: тувинцы, коми, русские // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 127–146. doi: 10.17223/2312461X/37/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/37/8

The Manifestation of Extraversion and Dominance: Evidence of Three Different Russian Cultures (Tuvans, Komi, Russians)

Anna A. Mezentseva¹, Marina L. Butovskaya^{2,3},
Victoria V. Rostovtseva⁴, Kristina I. Ananyeva⁵, Alexander A. Demidov⁶

^{1, 2, 4} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

² *National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

³ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

⁵ *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

⁶ *Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation*

¹ *a.mezentseva@iea.ras.ru*

^{2, 3} *marina.butovskaya@gmail.com*

⁴ *victoria.v.rostovtseva@gmail.com*

⁵ *ananyevaki@ipran.ru*

⁶ *demidov@inpsycho.ru*

Abstract. In this study we explore the phenomenon of dominance and extraversion in three contrasting cultures: Russians, Komi and Tuvans. The main purpose of

the study was to identify how individuals from three different socio-cultural backgrounds manifest extraversion and social dominance. The total sample included 342 people aged 18 to 45 years: Russians (70 men and 64 women, 19 ± 1.3 years), Komi-Zyryans (85 women and 54 men, 33 ± 7.1 year) and Tuvans (32 men and 47 women, 27 ± 4.5 years). All the study participants filled out a form where they were asked to assess how accurately each of the presented personality traits characterizes them. If necessary, filling out the forms was accompanied by a translation into the respondent's native language. Further, we carried out a factorization of the empirical material obtained, which allowed us to identify two factors – two generalized personality qualities: extraversion-introversion and dominance. In addition, we collected information about age, body mass index and hand grip strength from each participant. The results of the study revealed the following. The level of extroversion does not differ in all three cultures, and does not depend on ethnicity. However, in each of the cultures, men were more extroverted, not women. The level of extraversion is significantly determined by the individual biological parameters such as: age and physical development (handgrip strength). In all three populations, young men were more active and more extroverted than adults, and in all three populations, strong individuals were extroverts, and weak individuals were introverts, regardless of gender. Our results refute the well-established notion that men are more focused on social dominance than women. In each of the cultures, men and women did not differ in the level of dominance. Moreover, all three populations did not significantly differ in the level of dominance among themselves. A detailed analysis of the individual qualities that determine the level of dominance showed that the differences in the level of dominance were explained by participants' sex and body weight. However, assuming the complex nature of the formation of dominant behaviour and the possible contribution of cultural specificity to its manifestations, we considered each population separately. It turned out that the level of dominance depends on the gender and age characteristics in Tuvans and Komi. So, among the Komi, young women demonstrate dominance in behaviour, and middle-aged women, on the contrary, behave in a subordinate way. In the sample of the Tuvans, middle-aged men behave dominantly, while young men demonstrate subordinate behaviour.

Keywords: extroversion, dominance, handgrip strength, Tuvans, Komi, Russians

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by RFBR, project № 20-313-70005 (Mezentseva A.A., Ananyeva K.I., Demidov A.A.) and supported by the National Research University Higher School of Economics (HSE) project № 121051200258_5 (Butovskaya M.L.).

For citation: Mezentseva, A.A., Butovskaya, M.L., Rostovtseva, V.V., Ananyeva, K.I. & Demidov, A.A. (2022) The Manifestation of Extraversion and Dominance: Evidence of Three Different Russian Cultures (Tuvans, Komi, Russians). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 127–146. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/37/8

Введение

Базовые личностные черты, такие как экстраверсия и склонность к доминированию, являются предметом рассмотрения в большом числе современных антропологических и психологических публикаций.

В общем виде экстраверсию характеризует стремление к общению «со всеми и всегда». Экстраверсия может проявляется в активности,

напористости, общем оптимистичном настрое личности. Противоположный полюс данной черты – интроверсия – напротив, определяется инертностью и сдержанностью (DeYoung and Gray 2009; Бутовская и др. 2012). Целым рядом исследований показано, что экстравертное поведение более характерно для мужчин, чем для женщин (Tettaciano et al. 2001; Nahyun, Hana 2011; Vianello et al. 2013), и также чаще проявляется у более мужественных и маскулинных индивидов в пределах того же пола. Ярким примером тому служат представители профессиональной когорты спортсменов, как мужчины (Бутовская, Веселовская, Прудникова 2010; Бутовская и др. 2011), так и женщины (Бутовская и др. 2012). Отдельно стоит отметить данные, полученные на выборке мужчин из высоко рискованных групп, (Апалькова, Бронникова, Бутовская 2018), в частности их экстравертность и физическую мускульность. Для выборки мужчин из группы спецназа, по сравнению с контрольной, физическая сила, при невысоком индексе массы тела, сопровождалась целым рядом социально-позитивных психологических качеств: экстраверсией, большей уравновешенностью и добросовестностью, установкой на эмпатию и взаимопомощью (морфопсихотип «воина») (Бутовская, Апалькова, Феденок 2020). Кроме того, они лучше контролировали гнев и враждебность (Апалькова, Бронникова, Бутовская 2018). Морфопсихотип воина формировался на протяжении сотен лет человеческой истории (Бутовская 2016), в мужских коллективах, наряду с межгрупповой агрессией, экстраверсия проявлялась в способности к кооперации и была связана с институтом лидерства (Ростовцева, Бутовская 2018; Rostovtseva et al. 2020).

Иначе обстоят дела с вопросом о половых различиях в социальном доминировании. Мужчины, более развитые физически априори, сильнее женщин (Miller et al. 1993). С эволюционной точки зрения, именно физическая сила выступала потенциальным ресурсом для успешной конкуренции и определяла готовность мужчин к схватке с соперником (Butovskaya et al. 2018). Эмпирические исследования также указывают на связь физической силы с агрессивным поведением и социальным доминированием, которая четче просматривается у мужчин (Gallup et al. 2010; Gallup, Fink 2018). Неудивительно, что в работах эволюционных антропологов (Windhager, Schaefer, Fink 2011) была показана тенденция к восприятию именно физически сильных мужчин как доминантных. Однако устоявшееся представление о существующих половых различиях, когда представители сильного пола определяются как более ориентированные на социальное доминирование, нежели женщины, активно опровергается в последние десятилетия социальными психологами, феминистски настроенными социальными антропологами и борцами за гендерное равенство. При таком подходе, под сомнение ставится сама идея определяющей роли пола в склонности к доминированию. К примеру, приведем исследования социальных психоло-

гов, которые рассматривали половые отличия в склонности к доминированию на трех объединенных разными контекстами выборках: одна идеология, одна культура и одинаковый статус. Результаты исследования выявили отсутствие половых отличий в уровне доминирования, даже с учетом социального контекста (Batalha, Reynolds, Newbigin 2011). Однако при более детальном рассмотрении, учитывающем возраст и уровень образования респондентов, половые различия в доминировании все же обнаруживаются, хотя часто в инвертированном, нехарактерном варианте. Так, в серии исследований половозрастных особенностей социального доминирования у европейцев (три немецкие выборки, более 2 300 человек каждая) была продемонстрирована обратная тенденция – именно женщины показали более высокие значения в ориентации на социальное доминирование. Более высокие показатели получены были для пожилых, обеспеченных респонденток, а также для мужчин, являвшихся консервативными, менее образованными и считавших себя получившими от жизни то, чего они достойны (Batalha, Reynolds, Newbigin 2011). Напротив, иные половые различия были обнаружены для стремления к доминированию у мужчин – если это молодые и образованные мужчины из студенческой среды (Sidanius, Sinclair, Pratto 2006; Batalha, Reynolds, Newbigin 2011). Такое положение дел авторы объясняют ролью собственного социального статуса и перспективами его повышения, которые и определяют склонность к доминантному поведению.

В культурном контексте тема экстраверсии и доминирования определяется традиционными представлениями о мужском и женском, обычно поощряемыми социумом, специализацией труда и обрядами. Гендерные различия наблюдаются повсеместно в культурах Евразии, в европейских и азиатских популяциях. Для народов, существенно отличающихся по типу хозяйствования и происхождению, все же обнаруживаются сходные установки к проявлению доминирования и экстраверсии. Например, финно-угорский земледельческий народ европеоидного происхождения – *коми-зыряне* и тюркоязычный народ, монголоиды Южной Сибири, традиционно занимающиеся скотоводством, – *тувинцы-эрзинцы*. Отметим, что тувинцы Южной Тувы (Эрзинский район) «обнаруживают сходство с монголами, территориально и в родственном отношении к ним близкими» (Алексеева 1984).

В коми-культуре традиции воспитания характеризуются относительной мягкостью: возраст и статус ребенка определяются не по количеству лет, а по его реальной физической и социальной зрелости, поощряется самостоятельность и самоорганизация в трудовой и досуговой сферах жизни детей, запреты выносятся за пределы межличностных отношений (Слепчина 2006). Вместе с тем культурные устои общества подразумевают иерархию – социальное неравенство статусов

мужчины и женщины. Такое неравенство отражается, в частности, в мифологических сюжетах: женские образы часто были страдательными (женщина – носитель вредоносной субстанции *пеж*), а мужские образы представлены могучими колдунами. Мужское доминирование прослеживается и на уровне полоролевой структуры семьи: хозяином обычно был мужчина, и крайне редко, только когда в семье совсем не было (Конаков, Шабаетов 2010). В последнем случае, однако, женщину не допускали к участию в общинных делах. В разделении труда среди мужчин практиковались отхожие промыслы, в особенности охота, в которой мальчики участвовали с детства. Мужчины охотились группами, преимущественно в дальних угодьях, уходя в конце лета и возвращаясь домой с добычей только к началу декабря. Длительное приживание в дали от дома в условиях Севера способствовало развитию неписанного кодекса охотника, согласно которому ценным качеством для мужчины считалась способность к взаимовыручке (Конаков 1983).

Традиционная культура тувинцев всегда была довольно военизированной (как и исконная монгольская культура). Одной из характерных особенностей культуры тувинцев являлась традиция коллективной охоты, которую практиковали мужчины. Все приемы традиционной охоты применяли в бою, поэтому нетрудно догадаться, что для мальчиков участие в коллективной охоте являлось частью обучения воинскому делу. У эрзинских тувинцев – это конная охота, которая давала преимущество над зверем в степи (Даржа 2009). В тувинских семьях дети рано начинали помогать родителям по хозяйству. Девочки должны были овладеть опытом ведения домашних дел, а мальчики – подготовиться к роли главы семьи: научиться традиционным мужским занятиям (Казырыкпай 2003) и быть готовыми нести ответственность не только за свою семью, но за весь род (Вайнштейн 1991). Кроме того, многие мальчики занимались традиционной тувинской борьбой *Хуреш*, которая культивировала напористость, закаляла характер и знакомила юных борцов с иерархией мужского коллектива (тренеры, старшие и младшие борцы) (Ондар 2014).

В рамках данного исследования мы рассматриваем экстравертность и доминирование как два поведенческих комплекса, в реализацию которых заложены социокультурные установки конкретной группы. Для выявления специфических установок к доминированию и экстраверсии мы провели сравнительный анализ трех выборок: двух традиционных групп – тувинцев-эрзинцев, коми-зырян, а также для сравнения была взята группа русских студентов. Исходя из социокультурных особенностей выборок, основной гипотезой нашего исследования являлось предположение, что проявление личностных качеств человека, таких как экстравертность и доминирование, будет сильно варьировать по степени выраженности и отличаться по набору индивидуальных фи-

зиологических характеристик, в комплексе сопутствующих моделям доминантного и экстравертного поведения.

Материалы исследования

В исследовании приняли участие представители трех культур в возрасте от 18 до 45 лет. Среди них 139 человек (85 женщин и 54 мужчины, средний возраст $33 \pm 7,1$ года) коми-зыряне, постоянно проживающие в п. Пезмог, г. Сыктывакар., г. Сторожевск Республики Коми и 134 человека (70 мужчин и 64 женщины, средний возраст $19 \pm 1,3$ года) – русские, постоянно проживающие в г. Тула, а также 69 представителей тувинской этнической группы, постоянно проживающих в п. Эрзин Республики Тыва, среди которых 32 мужчины и 47 женщин (средний возраст $27 \pm 4,5$ года).

Личностные черты участников определялись с помощью частного варианта семантического дифференциала – методики «Личностный дифференциал» (вариант Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1992). Каждому респонденту было предложено оценить, насколько каждое из предложенных биполярных качеств характеризует его самого. Бланк методики включал 21 пару полярных качеств, оценить выраженность которых предлагалось по семибалльной лайкертовой шкале. При необходимости заполнение бланков сопровождалось переводом указанных на бланке личностных качеств на родной язык респондента.

В соответствии с ключом, предложенным авторами методики (см.: Карелин 2000) были определены обобщенные личностные характеристики: фактор «сила» (уровень доминантности-тревожности) и фактор «активность» (уровень экстраверсии-интроверсии). Итоговые индивидуальные значения нормировались при помощи индивидуальной Z-стандартизации.

Антропометрическая программа исследования включала измерение роста (см), веса (кг), силы кисти (кг). Индекс массы тела рассчитывался как отношение веса (кг) к росту в квадрате (m^2). Физическая сила измерялась с помощью портативного динамометра (ДМЕР-120, Тулиновские инструменты, Россия). Участников просили сжать ручку динамометра максимально сильно поочередно правой и левой руками. Сила каждой руки была измерена дважды, регистрировалось максимально высокое значение, за итоговое значение силы кисти принималось среднее арифметическое между значениями правой и левой рук.

Статистический анализ параметров личности в трех популяциях. Для того чтобы количественно оценить связь каждого фактора с этнической принадлежностью, полом, антропометрическими параметрами участников, мы использовали линейный дисперсионный анализа

(ANOVA). В статистической модели в качестве зависимой переменной поочередно выступили два личностных фактора («активность», «сила»), в качестве предикторов – этническая принадлежность, пол, возраст и индекс массы тела участников и взаимодействия между полом и возрастом, полом и индексом массы тела, возрастом и силой кисти. Мерой величины эффекта каждого из предикторов выступил частичный Eta-квадрат (η^2). Детальный анализ зависимости трех личностных факторов от биологических параметров, пола, этнической группы участников исследования, а также определение направленности взаимосвязи проводились методом линейного регрессионного анализа. Статистический анализ выполнен в программе SPSS версии 23.0 (IBM Corp., Armonk, NY, USA). Статистическая связь считалась значимой при 0,05.

Результаты исследования

Влияние культурной группы, пола и биологических характеристик на личностные факторы участников тестировалось на общей выборке в 342 человека, представленной мужчинами и женщинами, в возрасте от 18 до 45 лет. Для описания существующих в изучаемых культурах популяционных и половых особенностей мы сравнили средние значения уровня выраженности оценок экстраверсии, доминантности, а также средние значения по возрасту, физической силе и массе тела у мужчин и женщин из каждой популяции. Поскольку распределение исследуемых параметров было близким к нормальному, анализ осуществлялся с помощью Т-критерия Стьюдента и одномерного дисперсионного анализа ANOVA.

Результаты анализа популяционных психологических и физиологических особенностей русских, коми и тувинцев представлены в табл. 1. Согласно результатам, отличия между тремя культурными группами не достигали статистической значимости *в уровне экстраверсии*. Также, не были обнаружены значимые культурные отличия в уровне доминирования. В блоке физиологических особенностей, не обнаружено свидетельств популяционных отличий в физической силе. Однако группы значимо отличаются между собой по возрасту (самая молодая группа – русские, самая взрослая – коми) и индексу массы тела между группами коми и русских.

Результаты анализа половых различий по психологическим и физиологическим параметрам русских, тувинцев и коми представлены в табл. 2. По итогам, во всех трех выборках мужчины значимо выделялись высокими значениями экстраверсии и физической силой, тогда как женщины были слабее и демонстрировали склонность к интроверсии. Мы не обнаружили значимых половых различий в уровне доминантности как в двух европейских, так и в азиатской культуре. Также,

во всех выборках мужчины и женщины не отличались между собой по возрасту и массе тела.

Поиск культурного влияния и биологических эффектов на качества личности проводили с помощью линейного дисперсионного анализа (ANOVA), где поочередно уровень экстраверсии и доминантности предсказывался статистической моделью с этносом, полом, возрастом, физической силой и индексом массы тела участников в роли предикторов.

Таблица 1
Психологические и физиологические популяционные особенности русских, коми и тувинцев

Признак	Этос	N	M	SD	Сравнимая группа	p
Экстраверсия	Русские	131	-2,79	3,35	Коми	0,145
					Тувинцы	0,083†
	Коми	135	-3,43	2,3	Русские	0,145
					Тувинцы	1,000
	Тувинцы	77	-3,62	1,59	Русские	0,083†
					Коми	1,000
Доминантность	Русские	124	-3,29	2,26	Коми	1,000
					Тувинцы	0,077†
	Коми	128	-3,42	1,98	Русские	1,000
					Тувинцы	0,217
	Тувинцы	76	-3,96	1,72	Русские	0,077†
					Коми	0,217
Возраст	Русские	134	19	1,36	Коми	<0,001**
					Тувинцы	<0,001**
	Коми	139	32,99	7,11	Русские	<0,001**
					Тувинцы	<0,001**
	Тувинцы	79	27,49	4,54	Русские	<0,001**
					Коми	<0,001**
ИМТ	Русские	133	23,14	3,71	Коми	<0,001**
					Тувинцы	0,282
	Коми	136	25,22	4,13	Русские	<0,001**
					Тувинцы	0,095†
	Тувинцы	79	24,05	3,42	Русские	0,282
					Коми	0,095†
Сила кисти	Русские	132	34,9	11,1	Коми	0,158
					Тувинцы	1,000
	Коми	135	37,67	11,8	Русские	0,158
					Тувинцы	0,657
	Тувинцы	77	35,62	12,1	Русские	1,000
					Коми	0,657

Примечание. N – количество участников, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, p – значимость взаимосвязи (* p < 0,05; ** p < 0,001; † – статистический тренд).

Психологические и физиологические особенности русских, коми и тувинцев: половые различия

Национальность	Признак	Пол	N	M	SD	p
Русские	Экстраверсия-интроверсия	м	69	-1,63	3,55	<0,001**
		ж	62	-4,07	2,58	
	Доминантность-тревожность	м	64	-3,31	2,28	0,940
		ж	60	-3,28	2,26	
	Возраст	м	70	18,97	1,43	0,800
		ж	64	19,03	1,28	
	Имт	м	70	22,68	3,12	0,129
		ж	63	23,66	4,24	
Сила кисти	м	68	43,22	7,75	<0,001**	
	ж	64	26,06	6,03		
Коми	Экстраверсия-интроверсия	м	53	-2,81	2,34	0,012*
		ж	82	-3,82	2,19	
	Доминантность-тревожность	м	52	-3,72	2,25	0,164
		ж	76	-3,22	1,76	
	Возраст	м	54	32,52	7,45	0,539
		ж	85	33,28	6,92	
	Имт	м	52	25,62	3,84	0,375
		ж	84	24,97	4,30	
Сила кисти	м	52	49,94	8,62	<0,001**	
	ж	83	29,97	5,16		
Тувинцы	Экстраверсия-интроверсия	м	32	-3,07	1,22	0,010*
		ж	45	-4,01	1,70	
	Доминантность-тревожность	м	29	-3,61	1,36	0,184
		ж	47	-4,16	1,89	
	Возраст	м	32	28,06	4,59	0,362
		ж	47	27,11	4,51	
	Имт	м	32	24,31	3,62	0,576
		ж	47	23,87	3,29	
Сила кисти	м	32	48,05	6,62	<0,001**	
	ж	45	26,78	5,59		

Примечание. N – количество участников, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, p – значимость взаимосвязи (* p < 0,05; ** p < 0,001).

Проанализировав факторы, влияющие на уровень экстраверсии-интроверсии, мы выявили, что **экстраверсия** не зависела от этнической принадлежности и на кросс-популяционном уровне значимо определялась индивидуальными биологическими параметрами участников: их возрастом и физической развитостью (сила кисти). Результаты представлены в табл. 3.

При детальном рассмотрении мы обнаружили универсальные **возрастные отличия** в экстраверсии у мужчин (рис. 1). Так, на уровне тренда в трех популяциях юноши проявляли экстраверсию, которая в динамике заметно снижалась до противоположного к среднему возраст-

ту ($Beta = -0,142$; $R^2 = 0,020$; $p = 0,077$). У женщин не было обнаружено значимых ассоциаций ($Beta = 0,006$; $R^2 = 0,000$; $p = 0,791$).

Таблица 3

Влияние культурной группы, пола и биологических характеристик на уровень экстраверсии-интроверсии участников, по фактору «активность»

Зависимая переменная: фактор экстраверсии «активность»				
Предикторы	F	Частичная η^2	p	R^2
Этничность	0,693	0,004	0,501	0,145
Пол	3,105	0,010	0,079†	
Возраст	1,765	0,005	0,185	
ИМТ	0,040	0,000	0,842	
Сила кисти	5,334	0,016	0,022*	
Возраст × сила кисти	2,202	0,007	0,139	
Пол × возраст	4,010	0,012	0,046*	
Пол × ИМТ	1,405	0,004	0,237	

Примечание. Линейная модель (дисперсионный анализ ANOVA). R^2 – коэффициент детерминации; частичная η^2 – величина эффекта; p – значимость взаимосвязи (* $p < 0,05$, † – статистический тренд).

Физическая сила (сила кисти) значимо и положительно влияла на уровень экстраверсии. Так, во всех трех популяциях сильные индивиды были экстравертами, а слабые – интровертами, вне зависимости от пола ($Beta = 0,413$; $R^2 = 0,021$; $p \leq 0,01$) (рис. 1). В нашем исследовании, **связь между массой тела и экстраверсией** не обнаружена как у мужчин ($Beta = 0,029$; $R^2 = 0,001$; $p = 0,635$), так и у женщин ($Beta = -0,069$; $R^2 = 0,012$; $p = 0,127$).

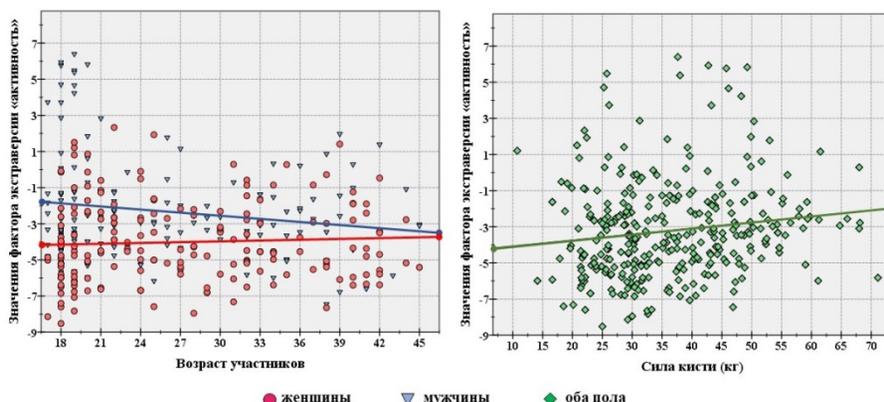

Рис. 1. Связь экстраверсии-интроверсии с возрастом и физической силой

При изучении условий, определяющих **уровень доминирования**, мы получили статистическую модель, согласно которой доминантность

значимо коррелировала именно с полом и массой тела участников исследования. Однако, подразумевая более сложную природу формирования доминантного поведения и возможный вклад культурной специфики в его проявления, мы в детальном анализе рассмотрели полоспецифические параметры в каждой из культурных групп отдельно. Исходя из того что в группе русских возрастной диапазон участников весьма невелик для построения валидной модели (средний возраст $19 \pm 1,3$ года) мы намеренно исключили ее из анализа возрастных эффектов на уровень доминирования (табл. 4).

Таблица 4
Влияние культурной группы, пола и биологических характеристик на уровень доминантности участников, по фактору «сила»

Зависимая переменная: фактор доминантности «сила»				
Предикторы	F	Частичная η^2	p	R^2
Этничность	0,083	0,011	0,188	0,012
Пол	0,058	0,014	0,038*	
Возраст	0,192	0,008	0,116	
ИМТ	0,239	0,000	0,897	
Сила кисти	0,523	0,006	0,184	
Возраст \times сила кисти	0,277	0,006	0,181	
Пол \times возраст	0,932	0,001	0,685	
Пол \times ИМТ	0,032	0,014	0,039*	

Примечание. Линейная модель (дисперсионный анализ ANOVA). R^2 – коэффициент детерминации; частичная η^2 – величина эффекта; p – значимость взаимосвязи (* p < 0,05).

Для определения культурно-специфических особенностей в уровне доминирования мы сравнили значения показателя доминантности у коми, русских и тувинцев. Детальный регрессионный анализ показал, что уровень доминантности зависит от **половозрастных условий** у тувинцев и коми. Так, у коми (рис. 2) доминантность в поведении демонстрируют молодые женщины, а представительницы среднего возраста, наоборот, демонстрируют подчиненность и склонны к тревожности ($Beta = -0,071$, $R^2 = 0,071$, $p = 0,020$). У мужчин коми связь имеет ту же направленность (более молодые склонны к доминированию), тем не менее не достигает уровня статистической значимости ($Beta = -0,030$; $R^2 = 0,009$; $p = 0,493$). В выборке тувинцев (рис. 2) мужчины среднего возраста ведут себя доминантно, в то время как юноши демонстрируют подчиненность ($Beta = 0,140$; $R^2 = 0,233$; $p \leq 0,01$). У тувинков эта связь носит отрицательную направленность, как у коми, и не достигает уровня статистической значимости ($Beta = -0,043$; $R^2 = 0,010$; $p = 0,497$). Значимые результаты анализа визуализированы на рис. 2.

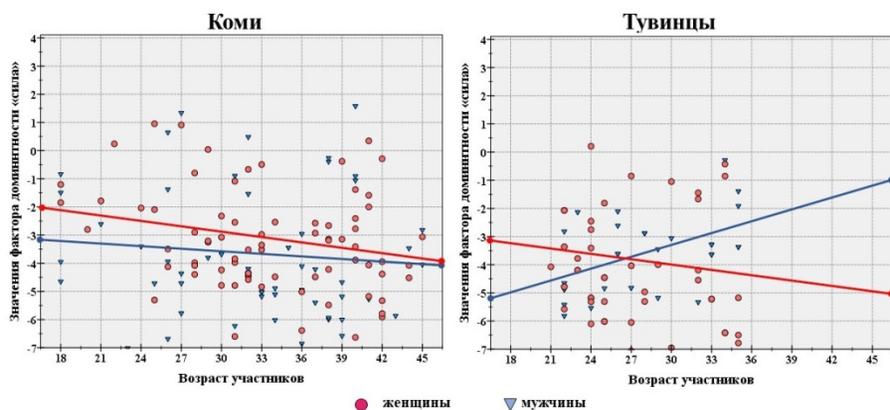

Рис. 2. Половозрастная специфика в уровне доминантности у тувинцев и коми

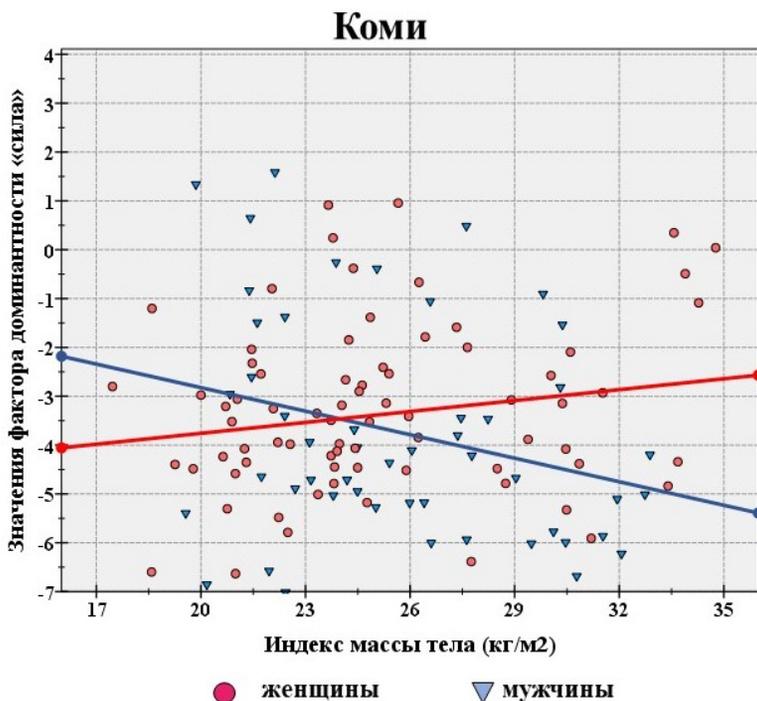

Рис. 3. Связь фактора доминантности-тревожности с индексом массы тела у коми

Уровень доминантности и габаритность участников. По результатам анализа, статистически значимая связь между уровнем доминантности и индексом массы тела обнаружена только в группе коми (см. рис. 3). Мужчины-коми с относительно низким индексом массы тела были более доминантными, чем мужчины массивной комплекции

(Beta = -0,165; $R^2 = 0,076$; $p = 0,053$). У женщин-коми выявлен статистический тренд, согласно которому, как и у мужчин, более грацильные представительницы проявляли доминантность, а склонные к полноте – тревожность и субмессивность (Beta = -0,080; $R^2 = 0,037$; $p = 0,098$). Для полноты картины обозначим общие тенденции, просматриваемые в двух других культурных группах. В выборке тувинцев (см. рис. 3) и у мужчин (Beta = 0,081; $R^2 = 0,049$; $p = 0,246$), и у женщин (Beta = 0,053; $R^2 = 0,008$; $p = 0,539$) направленность связи между доминированием и возрастом прямая: более массивные индивиды склонны к доминированию. У русских (рис. 3) у женщин уровень доминирования напрямую зависел от габаритности (Beta = 0,002; $R^2 = 0,049$; $p = 0,760$), а у мужчин, наоборот, направление связи было аналогичным, как у мужчин коми: менее крупные индивиды демонстрируют доминантность, а массивные – подчиненность (Beta = -0,013; $R^2 = 0,000$; $p = 0,887$). Визуализация значимых результатов представлена на рис. 3.

Обсуждение результатов

Результаты нашего исследования показали, что уровень экстраверсии значимо не различался в трех культурах: у тувинцев, коми и русских. Однако отметим, что самые высокие значения по этому показателю демонстрируют русские, а коми и тувинцы совсем не отличаются друг от друга по уровню экстраверсии ($p = 1,000$). Кроме того, в исследовании есть статистический тренд, указывающий на то, что молодые мужчины более экстравертированы, чем мужчины старшей возрастной группы. Оба выявленных результата, скорее всего, связаны с особенностями русской выборки – это студенты, молодые юноши и девушки. Действительно, то, что молодые мужчины и женщины активнее старших – известный факт (Soto et al. 2011). Тем более если речь идет о студентах, которые должны участвовать в каждодневном образовательном процессе. Поэтому специфически высокий уровень экстраверсии русских, обнаруженный в нашем исследовании, лишь с большими оговорками можно считать культурной особенностью.

В каждой из популяций мужчины были экстравертами, а женщины – интровертами. Подобные результаты неслучайны, они согласуются с большинством предыдущих исследований (Бутовская и др. 2012, Terracciano et al. 2001; Vianello et al. 2013; Nahyun, Hana 2011) и с точки зрения культуры легко объясняются традиционными предписаниями о мужском и женском. Согласно этим предписаниям, в обществах и тувинцев, и коми высокий уровень экстраверсии у мужчин поощряется коллективными практиками специфических мужских занятий, таких как охота. Совершенно иначе у женщин, которые традиционно ориентированы на узкий родственный круг общения, не подразумевающий

активного взаимодействия с незнакомцами как того же, так и противоположного пола. Интересно, что даже в студенческой среде, где культурные представления о полоспецифических моделях поведения ослабевают и теоретически следует ожидать гендерное равенство, экстраверсия все равно выше у мужчин. Помимо того мы обнаружили, что во всех трех популяциях сильные индивиды были экстравертами, а слабые – интровертами вне зависимости от пола. По всей видимости, экстраверсия является настолько важным для общества группообразующим фактором, что сходным образом проявляется у мужчин и женщин из контрастно различающихся культур, как правило, в виде устойчивого комплекса, где индивидуальному психологическому качеству – экстраверсии – сопутствует развитая физическая сила.

Данные трех контрастных популяций опровергают устоявшееся представление о том, что мужчины более ориентированы на социальное доминирование, нежели женщины. В каждой из исследованных культур мужчины и женщины не отличались по уровню доминирования. Более того, результаты нашего исследования показали, что все три популяции значимо не различались по уровню доминантности между собой. Только на уровне слабого тренда высокими значениями показателя выделялась тувинская группа в сравнении с похожими, почти одинаковыми по уровню доминирования коми и русскими ($p = 1,000$). Такие результаты согласуются с результатами, полученными ранее на европейских выборках (Batalha, Reynolds, Newbigin, 2011) и лишней раз подтверждают сложную природу формирования доминантного поведения в социуме, ощутимый вклад в которую вносят специфические культурные установки в том числе.

Культурная специфика в первую очередь касается возрастных установок на проявление доминантного поведения. Мы обнаружили, что у тувинцев в мужской группе юноши были субмиссивны, демонстрировали зависимое поведение, а мужчины старшего возраста вели себя доминантно. Отметим, что в военизированной культуре тувинцев доминирование, прежде всего, связано с возрастной иерархией, принятой в мужских коллективах, и уходит корнями в воинские традиции. Поэтому молодым и неопытным юношам следовало прислушиваться и даже подчиняться приказам старших (Казырыкпай, 2003). У коми возрастные отличия в проявлении доминирования выявлены в группе женщин. Показано, что молодые женщины были склонны вести себя доминантно, а женщины среднего возраста, наоборот, проявляли субмиссивность. По данным из трех контрастных популяций, доминирование в большинстве случаев не является характерной особенностью сильных индивидов, как мужчин, так и женщин. Напротив, сильные представители обоих полов обнаруживают склонность к экстраверсии. Свидетельства того, что сильные индивиды склонны к доминантному пове-

дению, обнаруживаются только в группе молодых мужчин, которые, не имея других возможностей подтвердить свой статус в группе, нередко прибегают к физической силе. (Gallup et al. 2010). Доминантное поведение связано с массой тела только в группе коми. При этом связь и мужчин и у женщин носит отрицательный характер, индивиды грацильного телосложения проявляли доминантное поведение. Здесь мы предполагаем, что грацильным телосложением обладали лица с выраженной мускульной массой (не измерялась в исследовании) и они же были доминантными. Вывод предполагает дальнейшие проверки.

Заключение

Таким образом, уровень экстраверсии-интроверсии человека определяется, с одной стороны, его биологическим фундаментом – индивидуальными физиологическими характеристиками организма, и, с другой стороны, культурными установками, поощряющими проявление эстравертности. Экстраверсия преобладает в поведении мужчин, в особенности молодых мужчин, и в поведении физически сильных индивидов обоих полов. Однако поведенческая доминантность имеет более сложную природу формирования, существенный вклад в которую вносят скорее социокультурные характеристики индивида, в том числе его социальное положение, уровень образования, нежели его биологические предрасположенности.

Список источников

- Алексеева Т.И.* Антропозология Центральной Азии. М.: Научный мир, 2005.
- Апалькова Ю.И., Бронникова Н.К., Бутовская М.Л.* Устойчивые сочетания морфо-функциональных и личностных характеристик у мужчин высокорисковых профессий // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2018. № 4. DOI: 10.32521/2074-8132.2018.4.067-076
- Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Кондратьева А.В., Просикова Е.А.* Морфопсихологические комплексы как индикаторы успешности в спорте: женщины // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2012. № 2. С. 30–34. URL: <https://rucont.ru/efd/480105>
- Бутовская М.Л.* Универсальные морфо-психотипы человека: адаптация к условиям среды и оптимизация репродуктивного успеха // Вестник РФФИ. Естественнонаучные и математические методы в гуманитарных исследованиях. 2016. Т. 91, № 3. С. 92–99. DOI: 10.22204/2410-4639-2016-091-03-92-99
- Бутовская М.Л., Апалькова Ю.И., Феденок Ю.Н.* 2D: 4D, самооценки по агрессии, склонности к риску и чертам личности у парашютистов // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2017. № 2.
- Бутовская М.Л., Апалькова Ю.И., Феденок Ю.Н.* Эмпатия и кооперация как составляющие морфопсихотипа «воина» у человека: сравнительный анализ группы военных и контроля // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2020. № 1. С. 58–71. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.1.058-071
- Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Година Е.З. Анисимова (Третьяк) А.В., Силаева Л.В.* Морфофункциональные и личностные характеристики мужчин-спортсменов как

- модель адаптивных комплексов в палеорекострукциях // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: Антропология. 2011. № 2. С. 4–15.
- Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Прудникова А.С.* Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. Т. 4, № 44. С. 143–154.
- Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991.
- Даржа В.К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2009.
- Казырыкпай Б.О.* Мужской путь. Кызыл, 2003.
- Карелин А.А.* Психология изменений. М.: КСП, 2000. С. 352.
- Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М.: Наука, 1983.
- Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П.* Рец. на: Уляшев О.И., Ильина И.В. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 442–448.
- Ондар О.Ч.* Борьба Хуреш. История, современность, будущее. Кызыл, 2014.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Ростовцева В.В., Бутовская М.Л.* Социальное доминирование, агрессия и пальцевой индекс (2D: 4D) в кооперативном поведении молодых мужчин // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 65–80. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51944330>
- Слепчина Н.Е.* Традиционное воспитание детей в коми культуре второй половины XIX–первой трети XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006.
- Batalha L., Reynolds K.J., Newbigin C.A.* All else being equal: Are men always higher in social dominance orientation than women? // European Journal of Social Psychology. 2011. Vol. 41, No. 6. P. 796–806. DOI: 10.1002/ejsp.829
- Butovskaya M.L. et al.* Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania // Plos one. 2018. Vol. 13, No. 5. P. e0197738.
- DeYoung C.G., Gray J.R.* Personality neuroscience: Explaining individual differences in affect, behaviour and cognition // The Cambridge Handbook of Personality Psychology / eds. by P.J. Corr, G. Matthews. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 323–346. DOI:10.1017/CBO9780511596544.023
- Gallup A.C., Fink B.* Handgrip strength as a Darwinian fitness indicator in men // Frontiers in psychology. 2018. Vol 439, No. 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00439>
- Gallup A.C., O'Brien D.T., White D.D., Wilson D.S.* Handgrip strength and socially dominant behavior in male adolescents // Evolutionary Psychology. 2010. Vol. 8, No. 2. P. 147470491000800207. <https://doi.org/10.1177/147470491000800207>
- Miller A.E.J. et al.* Gender differences in strength and muscle fiber characteristics // European journal of applied physiology and occupational physiology. 1993. Vol. 66, No. 3. P. 254–262. <https://doi.org/10.1007/BF00235103>
- Nahyun K., Hana S.* Personality, traits, gender and information competency among college students // Malaysian Journal of Library & Information Science. 2011. Vol. 16, No. 1. P. 87–107.
- Rostovtseva V.V. et al.* Sex differences in cooperativeness – An experiment with Buryats in Southern Siberia // Plos one. 2020. Vol. 15, No. 9. P. e0239129. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239129>
- Sidanius J., Sinclair S., Pratto F.* Social Dominance Orientation, Gender, and Increasing Educational Exposure // Journal of Applied Social Psychology. 2006. Vol. 36, No. 7. P. 1640–1653. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9029.2006.00074.x>
- Soto C.J., John O.P., Gosling S.D., Potter J.* Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample // Journal of personality and social psychology. 2011. Vol. 100, No. 2. P. 330–348. <https://doi.org/10.1037/a0021717>
- Terracciano A. et al.* Gender differences in personality traits across cultures: Robust and surprising findings // Journal of personality and social psychology. 2001. Vol. 81, No. 2. P. 322–331. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.2.322>

- Vianello M. et al. Gender differences in implicit and explicit personality traits // Personality and individual differences. 2013. Vol. 55, No. 8. P. 994–999. DOI: 10.2139/ssrn.2249080
- Windhager S., Schaefer K., Fink B. Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity // American journal of human biology: the official journal of the Human Biology Council. 2011. Vol. 23, No. 6. P. 805–814. <https://doi.org/10.1002/ajhb.21219>

References

- Alekseeva T.I. (1984) Antropologicheskie osobennosti sovremennykh tuvintsev. Kefalometriia i kefaloskopiia [Anthropological features of modern Tuvans. Cephalometry and cephaloscopy]. In: *Antropo-ekologicheskie issledovaniia v Tuve* [Anthropo-ecological research in Tuva]. Moscow: Nauka.
- Apalkova Y.I., Bronnikova N.K., Butovskaya M.L. (2018) Ustoichivye sochetaniia morfo-funktional'nykh i lichnostnykh kharakteristik u muzhchin vysokoriskovykh professii [Sustainable combinations of morpho-functional and personality traits of men engaged in high-risk professions], *Moscow University Anthropology Bulletin*, Vol. 23: Anthropology, no. 4. DOI: 10.32521/2074-8132.2018.4.067-076
- Batalha L., Reynolds K.J., Newbiggin C.A. (2011) All else being equal: Are men always higher in social dominance orientation than women? *European Journal of Social Psychology*, Vol. 41, no. 6, pp. 796–806. DOI:10.1002/ejsp.829
- Butovskaya M.L., Apalkova Y.I., Fedenok J.N. (2017) 2D: 4D, samoosenski po agressii, sklonnosti k risku i chertam lichnosti u parashiotistov [2D:4D, self-rated aggression, risk taking and personality traits in parachutists], *Moscow University Anthropology Bulletin*, Vol. 23: Anthropology, no. 2.
- Butovskaya M.L., Apalkova Y.I., Fedenok J.N. (2020) Empatiia i kooperatsiia kak sostavliaiushchie morfopsikhotipa «voina» u cheloveka: sravnitel'nyi analiz gruppy voennykh i kontroliia [Empathy and cooperation as components of “warrior” morphopsychology in human: comparative analysis of military and control groups], *Moscow University Anthropology Bulletin*, Vol. 23: Anthropology, no. 1, pp. 58–71. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.1.058-071
- Butovskaya M.L. (2016) Universal'nye morfo-psikhotipy cheloveka: adaptatsiia k usloviyam sredi i optimizatsiia reproduktivnogo uspekha [Universal morpho-psychotypes of humans: adaptation to environment and optimization of reproductive success], *RFBR Bulletin*, Vol. 91, no. 3, pp. 92–99. DOI: 10.22204/2410-4639-2016-091-03-92-99
- Butovskaya M.L., Veselovskaya E.V., Godina E.Z., Anisimova A.V., Silaeva L.V. (2011) Morfofunktional'nye i lichnostnye kharakteristiki muzhchin sportsmenov kak model' adaptivnykh kompleksov v paleorekonstruktsiakh [Morphofunctional and personality characteristics of male sportsmen as a model of adaptive sets of traits in paleoreconstructions], *Moscow University Anthropology Bulletin*, Vol. 23: Anthropology, no. 2, pp. 4–15.
- Butovskaya M.L., Veselovskaya E.V., Kondratieva A.V., Proskova E.A. (2012) Morfopsikholicheskie komplekсы kak indikatory uspekhov v sporte: zhenshchiny [Morphopsychological complexes as indicators of success in sport: women], *Moscow University Anthropology Bulletin*, Vol. 23: Anthropology, no. 2, pp. 30–34. URL: <https://rucont.ru/efd/480105>
- Butovskaya M.L., Veselovskaya E.V., Prudnikova A.S. (2010) Modeli biosotsial'noi adaptatsii cheloveka i ikh realizatsiia v usloviakh industrial'nogo obshchestva [Models of man's biosocial adaptation in an industrial society], *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, Vol. 38, no. 4, pp. 143–154.
- Butovskaya M.L. et al. (2018) Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania, *Plos one*, Vol. 13, no. 5, pp. e0197738.

- Darzha V.K. (2009) *Tradizionnie muzskie zaniatia tuvincev* [Traditional male occupations in Tuvans]. Kyzyl: Tuvan Publishing House.
- DeYoung C.G., Gray J.R. (2009) Personality neuroscience: Explaining individual differences in affect, behaviour and cognition. In: *The Cambridge Handbook of Personality Psychology*, eds P. J. Corr and G. Matthews. New York: Cambridge University Press, pp. 323–346. DOI:10.1017/CBO9780511596544.023
- Gallup A.C., Fink B. (2018) Handgrip strength as a Darwinian fitness indicator in men, *Frontiers in psychology*, Vol. 439, no. 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00439>
- Gallup A.C., O'Brien D.T., White D.D., Wilson D.S. (2010) Handgrip strength and socially dominant behavior in male adolescents, *Evolutionary Psychology*, Vol. 8, no. 2, pp. 147470491000800207. <https://doi.org/10.1177/147470491000800207>
- Karelin A.A. *Psichologia izmenemii* [Psychology of change]. Moscow: KSP, 2000. P. 352.
- Kizirpkay B.O. (2003) «Muzhscoi put'» [“Men’s way”]. Kizil.
- Konakov N.D. (1983) *Komi ohotniki I sobirатели vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX-early XX century] Moscow: Nauka.
- Konakov N.D., Shabaev U.P. (2010) Review of: Uliashev O.I., Ilina I.B. Muzchina I zhenshina v tradicionnoi culture komi [A man and a woman in the traditional culture of Komi]. Siktivkar: Komi scientific center Ural department of RAS, 2009, *Anthropological Forum*, no. 3, pp. 442–448.
- Miller A.E.J. et al. (1993) Gender differences in strength and muscle fiber characteristics, *European journal of applied physiology and occupational physiology*, Vol. 66, no. 3, pp. 254–262. <https://doi.org/10.1007/BF00235103>
- Nahyun K., Hana S. (2011) Personality, traits, gender and information competency among college students, *Malaysian Journal of Library & Information Science*, Vol. 16, no. 1, pp. 87–107.
- Ondar O.C. (2014) *Borba huresh. Istoria, sovremennost, budushee* [Fighting Huresh. History, modernity, future]. Kizil.
- Petrenko V.F. (1988) *Psikhosemantika soznaniia* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow: Moscow State University.
- Rostovtseva V.V. et al. (2020) Sex differences in cooperativeness—An experiment with Bur-yats in Southern Siberia, *Plos one*, Vol. 15, no. 9, pp. e0239129. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239129>
- Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L. (2018) Sotsial'noe dominirovanie, agressiia i pal'tsevoi indeks (2D: 4D) v kooperativnom povedenii molodykh muzhchin [Social domineering, aggression and finger index (2D:4D) in cooperative behavior of young men], *Voprosy Psichologii*, no. 4, pp. 65–80. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51944330>
- Sidanius J., Sinclair S., Pratto F. (2006) Social Dominance Orientation, Gender, and Increasing Educational Exposure, *Journal of Applied Social Psychology*, Vol. 36, no. 7, pp. 1640–1653. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9029.2006.00074.x>
- Slepchina N.E. (2006) *Tradizionnoe vospitanie detey v komi culture vtoroi polovini XIX – pervoi treti XX godov* [Traditional upbringing of children in the Komi culture of the second half of the XIX – first third of the XX centuries]. Izevsk.
- Soto C.J., John O.P., Gosling S.D., Potter J. (2011) Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample, *Journal of personality and social psychology*, Vol. 100, no. 2, pp. 330–348. <https://doi.org/10.1037/a0021717>
- Terracciano A. et al. (2001) Gender differences in personality traits across cultures: Robust and surprising findings, *Journal of personality and social psychology*, Vol. 81, no. 2, pp. 322–331. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.2.322>
- Vainshtein S.I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The world of the nomads of Central Asia]. Moscow: Nauka.

- Vianello M. et al. (2013) Gender differences in implicit and explicit personality traits, *Personality and individual differences*, Vol. 55, no. 8, pp. 994–999. DOI:10.2139/ssrn.2249080
- Windhager S., Schaefer K., Fink B. (2011) Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity, *American journal of human biology: the official journal of the Human Biology Council*, Vol. 23, no. 6, pp. 805–814. <https://doi.org/10.1002/ajhb.21219>

Сведения об авторах:

МЕЗЕНЦЕВА Анна Александровна – стажёр-исследователь Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: a.mezentseva@iea.ras.ru

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корр. РАН, доктор исторических наук, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); главный научный сотрудник, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

РОСТОВЦЕВА Виктория Викторовна – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: victoria.v.rostovtseva@gmail.com

АНАНЬЕВА Кристина Игоревна – кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии Института психологии РАН (Москва, Россия). E-mail: ananyevaki@ipran.ru

ДЕМИДОВ Александр Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Московский институт психоанализа (Москва, Россия). E-mail: demidov@inpsycho.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Anna A. Mezentseva, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.mezentseva@iea.ras.ru

Marina L. Butovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation); Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Victoria V. Rostovtseva, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: victoria.v.rostovtseva@gmail.com

Kristina I. Ananyeva, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ananyevaki@ipran.ru

Alexander A. Demidov, Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow, Russian Federation). E-mail: demidov@inpsycho.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21 ноября 2021 г.;
принята к публикации 20 августа 2022 г.*

*The article was submitted 21.11.2021;
accepted for publication 20.08.2022.*